А. ТРНКА.

САПОГИ
КАРЛА МАРКСА.

Самая обыкновенная исторія.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Скоропечатня В. В. Крапивина, Клинскій проспектъ, д. № 21.
1899.

Дозволено цензурою Спб. 10 Ноября 1898 года.

Скоропечатня В. В. Крапивина, Спб. Клинскій пр., д. № 21.

«Сколько разъ пускалъ я въ ходъ самую тонкую и острую иронію и при этомъ думалъ вотъ-то посмѣются одни, вотъ-то разсердятся другіе. И что же? Первые не смѣялись, вторые не сердились,—а когда я объявилъ, что дважды два—пять, умники ругали меня дуракомъ, а дураки радовались и торжествовали, видя такое распространеніе своего мнѣнія».

Л. Бернэ.

Случайно ко мнѣ въ руки попали документы, характеризующіе нашу учащуюся молодежь. Они показались мнѣ столь интересными, что я рѣшилъ ихъ напечатать.

Я ничего не прибавлялъ, ничего не вычеркивалъ, ничего не передѣлывалъ—заслуга моя исключительно заключается въ изданіи.

Предлежащая книжка раздѣляется на четыре части:

1. Мемуары курсистки — Лидіи Александровны Платоновой.

2. Дневникъ студента—Ивана Ивановича Верхоглядова.

3. Письмо Ивана Ивановича къ Лидіи Александровнѣ.

4. Письмо студента Глубокодумова къ своему пріятелю.

Я конечно не счелъ себя въ правѣ сохранить истинныя имена и фамиліи.

А. Трка.

Исторія пребыванія сапоговъ Карла Маркса въ N—скомъ землячествѣ.

(Мемуары Лидіи Александровны Платоновой).

Я только два года тому назадъ кончила N-скую гимназію, но вы не повѣрите, какимъ далекимъ кажется мнѣ это время. Я сильно, очень сильно измѣнилась съ тѣхъ поръ.

Въ какихъ нибудь два года я пріобрѣла ужасно много знаній, мое міросозерцаніе расширилось, нравственные устои окрѣпли, и вотъ скоро будетъ годъ, какъ я сдѣлалась убѣжденной марксисткой. На насъ, курсистокъ, часто клевещутъ, увѣряя, что мы ходимъ на помочахъ у студентовъ, лишь для виду и рекламы интересуемся серьезными вопросами, а на дѣлѣ такъ и наровимъ выскочить замужъ.

Такіе толки возбуждаютъ во мнѣ лишь презрѣніе. Я интересуюсь: знаніемъ, пониманіемъ, а также и дѣломъ. Хожу на лекціи и, должна сознаться, что это мнѣ доставляетъ больше удовольствія, чѣмъ изученіе предмета по книжкѣ.

Политической экономіей я заинтересовалась на засѣданіяхъ вольно-экомическагс общества, куда свелъ меня Иванъ Ивановичъ (очень умный человѣкъ—студентъ университета).

Какъ я была поражена! Я была въ восторгѣ, я никогда не представляла себѣ, чтобы чиновники открыто, оффиціально могли высказывать такія свободныя сужденія! Такъ, напримѣръ, меня глубоко поразили и на-вѣки запечатлѣлись въ моей памяти слова одного почтеннаго старичка, гордо и моложавато сказавшаго: «Всякое управленіе должно основываться на законности». До тѣхъ поръ я никогда не слыхала этого положенія. Я готова была расцѣловать этого милаго старичка.

Оппонировавшій ему экономистъ тоже не ударилъ лицомъ въ грязь—онъ съ жаромъ и запальчивостью воскликнулъ: «Благо общества никогда не слѣдуетъ упускать изъ виду при правительственныхъ мѣропріятіяхъ». Я изумилась, что ему позволено было продолжать свою смѣлую рѣчь. Его безстрашіе было награждено громомъ аплодисментовъ. Иванъ Ивановичъ здорово старался.

Вотъ еще не забыть мнѣ того оживленія, которое царствовало въ вольно-экономическомъ обществѣ во время споровъ изъ-за низкихъ и высокихъ хлѣбныхъ цѣнъ. Я тогда не совсѣмъ

еще хорошо была знакома съ политической экономіей, такъ что многое отъ меня ускользнуло. Но суть-то я все-таки поняла изъ словъ Ивана Ивановича и удивляюсь, какъ можно было такъ долго спорить о такой простой вещи! Видите ли, народники говорятъ, что мужикъ, какъ и всякій человѣкъ, тоже ѣстъ хлѣбъ, слѣдовательно и для него низкія цѣны на хлѣбъ выгодны.

Но они очень многое упускаютъ изъ виду—марксисты смотрятъ на вопросъ съ болѣе широкой точки зрѣнія. Ихъ доводы Иванъ Ивановичъ формулировалъ такъ: «мужикъ, какъ и всякій производитель, продаетъ свой товаръ—слѣдовательно, для него выгодны высокія цѣны.

Впрочемъ, я часто замѣчала, что люди, изъ-за пустяковъ, поднимаютъ цѣлыя исторіи. Иванъ Ивановичъ того же мнѣнія (надо вамъ сказать, что онъ убѣжденный марксистъ—мы оба поклонники Тугана-Барановскаго и Струве и всегда имъ аплодируемъ).

Впрочемъ все, что я до сихъ поръ говорила, не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ тому, что я хотѣла разсказать—но я не могла (разъ ужъ взялась за перо) не сказать нѣсколько словъ въ защиту курсистокъ.

Думаютъ, что мы только поверхностно, или, какъ еще говорятъ, изъ бабьяго любопытства,

интересуемся науками, что мы не можемъ серьезно отдаться наукѣ. Между тѣмъ это ложь, наглая ложь! У меня есть пріятельница, страстно погруженная въ занятія. Ужасно начитанная — она иногда спорила даже съ Глубокодумовымъ.

Когда я ей какъ-то сказала, что она хорошенькая и что въ нее легко влюбиться, она на меня страшно разсердилась и сказала, что она никогда, никогда не выйдетъ замужъ!

Я ей объяснила, что и я не выйду замужъ. Она меня обняла и горячо поцѣловала.

Ахъ! Я опять заболталась, но теперь ужъ не буду отступать отъ темы и разскажу все, какъ слѣдуетъ по порядку—постепенно и последовательно!

Мѣстомъ дѣйствія была комната Насти Утробиной. Понемногу собирались земляки— въ этотъ день у нея было клубное собраніе. Но надо вамъ объяснить, что мы понимаемъ подъ этимъ. Дѣло въ томъ, что человѣкъ 15 земляковъ и землячекъ рѣшили устроить клубъ—но не подумайте, что якобинскій или хотя бы англійскій! О, нѣтъ! Настоящій русскій клубъ—политика изгнана была вовсе, оставлено немножко философіи и политической экономіи, за то было всегда много земляческихъ сплетень, игръ и веселья.

Часамъ къ 8 пришелъ Иванъ Ивановичъ, подсѣлъ ко мнѣ и, послѣ обычныхъ вопросовъ, принялся объяснять, что такое «классъ». Иванъ Ивановичъ обладалъ замѣчательнымъ даромъ объяснять всѣ вещи просто—такъ и относительно этого предмета—я мигомъ поняла, что такое «классъ».

Въ это время пришелъ нашъ землякъ всѣмъ извѣстный Глубокодумовъ. Это непостижимо странный субъектъ. Его считаютъ даже умнѣе Ивана Ивановича.

Глубокодумовъ, по своему обыкновенію, снявъ галоши, повѣсилъ ихъ на вѣшалку, но къ нашему удивленію оказалось, что онъ пришелъ только въ одной галошѣ. Настя принялась разспрашивать, гдѣ онъ оставилъ другую.

Глубокодумовъ мрачно отвѣтилъ изъ-за своихъ черепаховыхъ очковъ: «Поссорился съ коночнымъ кондукторомъ и запустилъ въ него галошей». Затѣмъ, усѣвшись за столъ, онъ мрачно, но энергично принялся пить чай.

Вообще онъ пользуется большой популярностью: носитъ синюю рубашку, высокіе сапоги, его длинные, пушистые, каштановые волосы образуютъ ореолъ вокругъ головы, крупныя черты лица и черепаховые очки дѣлаютъ его наружность внушительной; кромѣ того онъ человѣкъ начитанный и большой знатокъ

Маркса — про него разсказываютъ, что онъ 12 разъ прочиталъ «Капиталъ» и знаетъ его вдоль и поперекъ.

По его приходѣ ьсѣ замолчали, когда же онъ выпилъ пятый стаканъ, Настя и Оля (онѣ вѣчно суются впередъ) попросили его разъяснить намъ, что токое «классъ съ экономической точки зрѣнія».

Онъ налилъ себѣ шестой стаканъ, выпилъ его и сказалъ: «Гмъ!.. канальство!» и прошелся широкими, тяжелыми шагами по комнатѣ, потомъ остановился у печки и началъ мрачнымъ, замогильнымъ голосомъ излагать взглядъ Маркса на то, что такое классъ съ экономической точки зрѣнія.

Должна сознаться, что Глубокодумовъ производитъ на меня тяжелое впечатлѣніе—я признаю въ немъ глубину мысли, даже научный талантъ, но его изложеніе — если бы я не боялась оскорбить Маркса, я бы сравнила его рѣчь съ «Zür Kritik der Politischen Ökonomie».

Его тяжелая и тягучая фразеологія такъ на меня подѣйствовала, что я перестала что бы то ни было, понимать въ вопросѣ о классѣ, а между тѣмъ въ изложеніи Ивана Ивановича я все прекрасно поняла.

Я всегда задавала себѣ вопросъ: «почему это на Ивана Ивановича такъ мало обращаютъ

вниманія?» Отчасти я это могу объяснить тѣмъ, что онъ по внѣшнему виду не представляетъ собой ничего загадочнаго и страннаго — носитъ форменную тужурку и брюки, волосы короткіе, борода приличная, безъ очковъ—вообще наружность довольно обыкновенная, но зато въ тонкихъ чертахъ его лица сквозитъ столько ума!.. Во вторыхъ я думаю, что отчасти я лично тутъ виновата— онъ ужъ слишкомъ ясно высказываетъ мнѣ предпочтеніе — это конечно отталкиваетъ отъ него другихъ курсистокъ...

Я перестала слушать Глубокодумова и занялась наблюденіями надъ публикой. У Кати лицо неподвижно напряженное, глаза выпучены и устремлены въ ротъ Глубокодумову, у Насти ужасно унылый видъ, Оля опустила глаза и очевидно о чемъ то задумалась...

Но тутъ мои наблюденія прервалъ приходъ Веркблея.

Веркблей пользовался у насъ славой насмѣшника, его не любили, но отчасти боялись. Подъ мышкой онъ принесъ какой то свертокъ и положилъ его на столъ.

Маня Котикова сейчасъ же протянула руку къ свертку, но Веркблей скорчилъ грозную мину и сказалъ придавленнымъ голосомъ — «динамитъ!»

Маня отдернула руку. Мы столпились кругомъ. Веркблей снялъ пальто, подошелъ къ столу и развернулъ свертокъ и представьте себѣ наше удивленіе — тамъ были громадные рыжіе сапоги.

Мы расхохотались, но Веркблей нахмурилъ брови и внушительно сказалъ: «Чему смѣетесь милочки?!! Вѣдь это сапоги Маркса! Одинъ истинный Марксистъ съ опасностью для собственной жизни перевезъ контрабандой эти сапоги черезъ границу (онъ только что вернулся изъ Лондона). Онъ хочетъ помѣстить ихъ въ благонадежное мѣсто -- гдѣ бы ихъ хранили и обращались съ ними, какъ слѣдуетъ... . . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . . Это реликвія — въ нѣкоторомъ родѣ часть нашего великаго, незабвеннаго учителя. . . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . при этомъ онъ обвелъ насъ грознымъ взглядомъ.

Мы были поражены и обрадованы. Мы были въ восторгѣ, что зримъ передъ собой сапоги

самого Маркса, но намъ не вѣрилось своему счастью.

Оля и Катя подхватили Глубокодумова подъ руки и подвели его къ столу, но такъ какъ тотъ медлилъ взять сапоги въ руки (должно быть отъ священнаго трепета), то Маня, не сообразивъ этого, сунула ему одинъ сапогъ подъ самый носъ.

Глубокодумовъ схатилъ его и сталъ пристально разсматривать. Мы съ нетерпѣніемъ слѣдили за его движеніями. А онъ, какъ нарочно, медленно поворачивалъ сапогъ, взвѣшивалъ его на рукѣ, мы сгорали отъ нетерпѣнія, но на его физіономіи, скрытой за очками, ничего нельзя было разобрать; однако чувствовалось, что внутри Глубокодумова происходитъ усиленный умственный процессъ. Наконецъ онъ понюхалъ сапогъ, поставилъ его на столъ и увѣренно сказалъ: «да, это—Сапоги Маркса!» потомъ повернулся и снова прислонился къ печкѣ.

Больше сомнѣній у насъ не было: Глубокодумовъ, лучшій знатокъ Маркса, призналъ эти Сапоги подлинными.

Всѣ были въ восторгѣ: Оля принялась прыгать по комнатѣ, какъ маленькій ребенокъ (она ужасно легкомысленная).

Рѣшено было единогласно, что Сапоги принимаются землячествомъ на храненіе... Тогда

возникъ вопросъ, у кого они будутъ храниться. Всякому хотѣлось имѣть у себя въ квартирѣ эту драгоцѣнность. Настя съ Олей чуть не поссорились изъ-за нихъ. Наконецъ приступили къ баллотировкѣ вопроса: «кому поручить храненіе Сапоговъ Маркса».

Большинство голосовъ дано было въ пользу Насти. Та была на верху блаженства. Оля заплакала. Катя хмурила брови. Тогда Иванъ Ивановичъ вывелъ насъ изъ затрудненія, предложивъ хранить Сапоги по очереди у всѣхъ желающихъ—у каждаго по недѣлѣ.

Съ его предложеніемъ согласились—ему даже аплодировали. Новой баллотировкой рѣшили хранить Сапоги въ слѣдующемъ порядкѣ: сначала (какъ я уже говорила) у Насти, потомъ у Оли, затѣмъ у меня, потомъ у Кати и т. д.

Настя сейчасъ же спрятала Сапоги въ комодъ въ чистое бѣлье, заперла ихъ на ключъ и положила его въ карманъ.

Всѣ были очень оживлены; вдругъ стала тухнуть лампа; пока доставали керосинъ, мы зажгли свѣчи и представьте себѣ непріятное впечатлѣніе—сразу было зажжено три свѣчи; какъ всякій знаетъ, это очень скверная примѣта. Я сейчасъ же потушила одну свѣчку. Вскорѣ радостное настроеніе вновь овладѣло нами. Катя предложила поиграть въ почту.

Всѣ согласились. Хозяйка раздала намъ карандаши и бумагу и мы принялись строчить.

Я написала одно письмо Глубокодумову: «Что скрывается подъ вашей внѣшностью»? на что онъ не впопадъ и безъ всякой деликатности отвѣтилъ:

« Подъ моей внѣшностью скрываются мои внутренности».

Потомъ я написала письмо Ивану Ивановичу: «люблю тебя; твоя Тамара»!

Пожалуйста не подумайте, что бы я его дѣйствительно любила или завлекала, нѣтъ! Я просто хотѣла посмотрѣть отъ кого ему было бы пріятнѣе услышать эти слова. Я замѣтила, что онъ смутился и бросилъ на меня такой странный взглядъ, ужасно уморительный взглядъ...

Было уже поздно и мы разошлись по домамъ. Иванъ Ивановичъ провожалъ меня, хотя ему это было не совсѣмъ по дорогѣ...

Дня черезъ три я сидѣла у Оли, мы пили чай и болтали о знакомыхъ, о лекціяхъ и о профессорахъ, какъ вдругъ входитъ Настя Утробина. Она принесла что то завернутое въ черный платокъ и положила это въ уголъ; казалось она была чѣмъ то разстроена.

Я спросила ее, что у нея тамъ въ платкѣ. Она какъ будто сконфузилась, сказала: «ничего,

книги» и подсѣла пить чай. У насъ завязался оживленный разговоръ.

Оля увѣряла, что Максимъ Максимычъ прекрасно понимаетъ Маркса; я же ей доказывала, что Иванъ Ивановичъ понимаетъ его гораздо лучше. Я выставила ей на видъ нѣсколько споровъ, въ которыхъ Иванъ Ивановичъ явно обнаружилъ свое превосходство надъ Максимомъ Максимычемъ. Но Оля упрямо не соглашалась со мной. Надя меня поддержала и заявила, что Никифоръ Никифоровичъ по вопросу о Lumpenproletariat'ѣ совершенно согласенъ съ Иваномъ Ивановичемъ. Этотъ споръ, какъ и всякій студенческій споръ никогда бы не кончился. Оля твердила: что не согласна съ нами, что у нея есть на этотъ вопросъ свой особый взглядъ, что мы ее не понимаемъ и т. п.

Въ половинѣ седьмого я ушла домой—къ 7 часамъ долженъ былъ зайти Иванъ Ивановичъ—онъ досталъ билеты въ Маріинку..

На слѣдующій день часовъ около одиннадцати, когда я по обыкновенію еще спала,- ко мнѣ вдругъ врывается Оля и начинаетъ меня цѣловатъ и тормошить.

Она какъ будто была чѣмъ то взволнована; я спрашиваю ее:

«Что съ тобой? Ужъ не объяснился ли тебѣ Максимъ Максимовичъ въ любви?».

«Нѣтъ, нѣтъ! Знаешь что?... Я принесла тебѣ Сапоги Маркса».

— «Какъ же они у тебя очутились—вѣдь они были у Насти?»

— «Она мнѣ принесла ихъ вчера, вотъ когда ты у меня сидѣла, помнишь, ты еще спросила, что у нея въ платкѣ—тамъ были Сапоги Маркса».

— «Отчего же она прямо не сказала, что это Сапоги, а увѣряла, что это книги?»

— «Да видишь ли»... замялась Оля «она стѣснялась!»

— «Чего же тутъ стѣсняться?».

— «Ну я вижу, что тебя не надуешь! рѣшительно воскликнула Оля. «Дѣло въ томъ, что она боялась держать ихъ у себя! Я вчера сразу не поняла этого—она сказала, что хотѣла доставить мнѣ удовольствіе и поэтому принесла ихъ раньше сроку. Я, знаешь, повѣрила и была очень рада. Но потомъ, когда Настя ушла, я и стала раздумывать: почему бы это она принесла ихъ? затѣмъ я припомнила, что она не хотѣла при тебѣ сказать, что это Сапоги; тогда я сразу догадалась въ чемъ дѣло: она боялась держать ихъ у себя. На меня, знаешь, такой напалъ страхъ, что я готова была бѣжать отъ нихъ на край свѣта.

Ты представить себѣ не можешь, что за ужасную ночь я провела! какой то гнеть и тоска давила мнѣ грудь, я съ напряженіемъ прислушивалась къ малѣйшему стуку, меня бросало то въ жаръ, то въ холодъ отъ дребезжанья дрожекъ, которое я принимала за звяканье жандармскихъ сабель.

Мнѣ было пришла мысль выбросить Сапоги за окно, я даже открыла форточку—но, слава Богу, во время остановилась—вѣдь ихъ бы нашли подъ моимъ окномъ, стали бы доискиваться, какъ туда попали Сапоги Маркса и меня бы навѣрняка накрыли.

Затѣмъ, я подумала—не отнести ли ихъ къ кому нибудь изъ знакомыхъ? Но было уже половина второго; дворникъ обратилъ бы вниманіе; кромѣ того я была увѣрена, что у воротъ стоитъ уже сыщикъ. Нечего дѣлать! Пришлось оставить ихъ у себя до утра.

Я долго ходила по комнатѣ; было половина третьяго, я рѣшила лечь спать, раздѣлась и легла въ постель, какъ вдругъ къ намъ сильно позвонили. Я вскочила, схватила Сапоги и стала съ ними метаться по комнатѣ. Позвонили еще сильнѣе. Совершенно потерявъ голову, я сунула сапоги въ печь, бросила туда же ворохъ бумаги и зажгла ее. Въ передней раздавался настоящій трезвонъ. Наконецъ

хозяйка проснулась и пошла отворять дверь.

Я бросила въ печь цѣлую коробку спичекъ, она ярко вспыхнула, бумага вся загорѣлась, но труба оказалась закрытой и дымъ густыми клубами повалилъ изъ печки.

—«Ахъ, батюшки»! вскрикнула вдругъ хозяйка «у насъ пожаръ! У барышни пожаръ! Ваня бѣги тушить!!»

И едва я успѣла юркнуть подъ одѣяло, какъ въ комнату ввалилась хозяйка съ только что пришедшимъ съ какой то пирушки сыномъ. Тотъ бросился къ печкѣ, потушилъ бумагу и вытащилъ сапоги. Хозяйка и сынъ ея нѣкоторое время съ недоумѣніемъ смотрѣли то на меня, то на сапоги, то другъ на друга.

— «Не рехнулась ли ты, матушка?»—заявила наконецъ хозяйка.

Мнѣ стоило большаго труда выпроводить ихъ изъ комнаты. Долго я не могла еще заснуть, но подъ утро усталость взяла свое и я задремала. И вотъ какъ только проснулась, сейчасъ же побѣжала къ тебѣ—возьми эти сапоги себѣ—ты такая храбрая.»

— «Ну, нѣтъ! Съ какой же стати? Вы добивались этой чести, такъ и наслаждайтесь ею»—сказала я.

— «Бога ради! голубушка, милая, освободи меня отъ нихъ, право я съ ума сойду»!..

молила Оля; мнѣ было ее жаль, но я сама прекрасно понимаю, что такими вещами не шутятъ. Вдругъ меня осѣнила блестящая мысль—«отправимъ ихъ къ какому-нибудь студенту»—сказала я Олѣ. Та несказанно обрадовалась.

— «Прекрасная мысль! Восхитительная мысль!»—кричала она въ восторгѣ, но потомъ остановилась—«Ахъ, Лидочка, вѣдь будетъ стыдно?!.. Нѣтъ, хорошо!—отдай ихъ Ивану Ивановичу, ты его хорошо знаешь!»

— Но съ какой же стати его подводить?—замѣтила я ей вполнѣ резонно—«лучше отнесемъ ихъ къ Максиму Максимычу».

— «А развѣ мы того не подведемъ? Вѣдь его тоже подведемъ!»—возразила Оля; дѣло видите ли въ томъ, что Оля, какъ мнѣ кажется, не совсѣмъ равнодушна къ Максиму Максимычу.

— Ахъ, вотъ что!—сказала Оля,—«отнесемъ ихъ къ Никифору Никифоровичу.» Я съ удовольствіемъ приняла это предложеніе. Собственно говоря, мы таки чувствовали себя немножко неловко, но желаніе отдѣлаться отъ опасной вещи пересилило въ насъ ложный стыдъ и мы отправились къ Никифору Никифоровичу.

Я до сихъ поръ не увѣрена слѣдили ли за

нами сыщики или нѣтъ, но намъ казалось, что за нами ихъ идетъ нѣсколько штукъ.

То останавливаясь, то пускаясь чуть не бѣгомъ, страшно уставъ и запыхавшись, мы добрались до его квартиры.

Никифоръ Никифоровичъ оказался дома. Онъ слыветъ за конспиратора и его комната, какъ и вообще вся его личность, носитъ загадочный видъ.—На столѣ лежитъ черепъ, кавказскій кинжалъ, револьверъ и фальшивая борода. На стѣнѣ виситъ нѣсколько шапокъ и пальто.

Мы сказали, что принесли ему Сапоги Маркса, такъ какъ думаемъ, что у насъ будетъ на дняхъ обыскъ.

— «А, за вами слѣдили, когда вы шли ко мнѣ»?—спросилъ онъ съ безпокойствомъ.

— «Нѣтъ»!—сказала Оля, «мы ихъ надули!»

— «Ну то-то: А то у меня вотъ въ этомъ ящикѣ динамитъ».

— «Ахъ, покажите—никогда еще не видала динамита!»—пристала было къ нему Оля.

— «Нѣтъ, нѣтъ, нельзя! онъ отъ малѣйшаго сотрясенія можетъ взорваться! Но, вотъ что—вы лучше уходите, а то васъ еще замѣтятъ у меня, и вы влопаетесь въ крупную исторію!»

Мы не заставили просить себя два раза и мигомъ исчезли...

Черезъ нѣсколько дней ко мнѣ заходитъ Глубокодумовъ, но представьте себѣ мой ужасъ и негодованіе—я не знаю, что во мнѣ въ этотъ моментъ было сильнѣе—и такъ можете себѣ представить мое негодованіе и ужасъ, когда я замѣтила на его ногахъ Сапоги Маркса!.. Я была такъ поражена, что не могла вымолвить ни слова.

— Что это вы, Лидія Александровна, такъ поглядываете на мои сапожки, какъ, съ позво.енія сказать, корова па новыя ворота?— спросилъ онъ (я уже кажется, упоминала, что онъ страшно грубъ и неотесанъ). Затѣмъ снявъ лѣвый сапогъ, онъ постучалъ указательнымъ пальцемъ по подошвѣ и прибавилъ: «А хорошіе сапоги носилъ каналья Марксъ»!

— «Да вѣдь васъ сейчасъ же заберутъ!.. Вы навѣрно привели за собой цѣлую стаю сыщиковъ!»...

— «Ха, ха, ха!...—расхохотался онъ—«да вы никакъ спятили?!»

— «Но... на васъ Сапоги... Сапоги Маркса!»

Онъ разразился глупымъ продолжительнымъ смѣхомъ: «Ха, ха, ха... ха, ха, ха... Неужели вы думаете, что за такую невинную вещь могутъ забрать?!»

— «Отчего же нѣтъ! за все могутъ забрать!»

— «Такъ вы серьезно думаете, что за ношеніе этихъ сапоговъ меня могутъ забрать?»

— «Навѣрно—вѣдь это Сапоги Маркса!»

— «O sancta simplicitas! — за сапоги и вдругъ заберутъ?—Да нѣтъ!—вы шутите?»

Насилу мнѣ удалось его выпроводить.

На этомъ мѣстѣ кончается рукопись курсистки.

Издатель

Дневникъ Ивана Ивановича Верхоглядова.

Я рѣшилъ писать дневникъ. Я чувствую въ немъ непреодолимую потребность. Избытокъ впечатлѣній, идей, чувствъ давитъ меня, заставляетъ излиться, хотя бы въ дневникѣ. Я живу, живу всѣми фибрами моего существа, всѣми клѣточками моего мозга, дышу полной грудью! Боже мой, Боже мой,—сколько новыхъ идей, сколько новыхъ мыслей! Весь міръ озаряется какимъ-то новымъ свѣтомъ и я начинаю ясно видѣть и понимать окружающее; различать, что въ немъ есть пошлаго, гнуснаго и несправедливаго, а впереди уже виднѣется свѣтлый идеалъ торжества всего обездоленнаго, придавленнаго и разбитаго.

Мнѣ кажется, что я былъ слѣпъ и вдругъ прозрѣлъ, мнѣ кажется, что я поднялся на вершину высокой скалы и оттуда увидѣлъ жизнь во всемъ ея цѣломъ, тогда какъ прежде я бродилъ только по извилистымъ тропинкамъ, не видя общаго плана...

Но что за чудная среда эта учащаяся молодежь, какъ она возвышаетъ душу, поднимаетъ человѣка изъ житейской грязи и ставитъ его на путь знанія, добра и свободы! И подумать страшно въ какой тинѣ прозябалъ я до этого года, перваго года моего студенчества. А впереди еще три... духъ захватываетъ при мысли о будущемъ!..

Вчера я первый разъ былъ на студенческой вечеринкѣ. Въ семь часовъ ко мнѣ зашелъ мой пріятель Корниловъ и спросилъ меня: «Ты конечно пойдешь сегодня на вечеринку?» Я покраснѣлъ и долженъ былъ сознаться, что ничего не знаю о ней.

Онъ даже вскочилъ со стула (страшно горячій человѣкъ), и принялся ругать меня, что я тюфякъ, байбакъ, не слѣжу за жизнью, что если такъ будетъ продолжаться, то изъ меня навѣрняка выйдетъ жирный буржуй и т. п. Наконецъ, немного успокоившись, онъ предложилъ мнѣ провести меня туда безъ билета— всѣ билеты были уже распроданы. Я, конечно, съ радостью ухватился за его предложеніе.

Удивительно, право, какъ это онъ, всего какъ и я первый годъ въ Петербургѣ, а успѣлъ уже перезнакомиться съ массой студентовъ и курсистокъ, знакомъ даже съ нѣкоторыми писателями. Положимъ, онъ еще въ

гимназіи читалъ намъ «Историческія письма» Миртова и носился со всякой нелегальщиной...

Онъ сталъ меня торопить, говоря, что по дорогѣ надо зайти къ Максиму Максимовичу Качурину. У того мы застали еще двухъ знакомыхъ ему студентовъ. На столѣ стоялъ полупотухшій самоваръ, опорожненныя пивныя бутылки, валялась колбаса и хлѣбъ. Вездѣ были разбросаны окурки; табачный дымъ носился клубами. Между собравшимися шелъ ожесточенный споръ.

Петропавловскій съ хмурымъ, нервнымъ лицомъ сидѣлъ на стулѣ, облокотившись руками на его спинку, онъ усиленно затягивался папиросой и по временамъ откидывалъ назадъ сбѣгавшіе на лобъ длинные волосы. Противъ него стоялъ Максимъ Максимычъ. Онъ былъ сильно возбужденъ, горячился и размахивалъ руками; раскаты его громкаго низкаго голоса гудѣли даже въ передней.

Споръ шелъ объ альтруизмѣ и эгоизмѣ.

«Альтруизма нѣтъ и быть не можетъ», кричалъ Максимъ Максимовичъ, «всѣмъ на свѣтѣ двигаетъ эгоизмъ. Если богатый дастъ бѣдному милостыню, то лишь потому, что чувствуетъ удовольствіе отъ этого поступка— онъ возвышаетъ его въ собственныхъ глазахъ, пріятно щекочетъ его самолюбіе.

«Видя, что изъ ста проходящихъ мимо нищаго онъ одинъ даетъ ему милостыню— этотъ человѣкъ думаетъ про себя:—«да вѣдь я хорошій, добрый человѣкъ—не то что другіе» и, отдавъ копѣйку, умиляется на цѣлый рубль...

«Но пойдемъ дальше. Возьмемъ, напримѣръ, такъ называемый подвигъ самопожертвованія—и тутъ мы имѣемъ дѣло только съ эгоизмомъ. Штука заключается въ томъ, что въ человѣческой натурѣ существуютъ отъ вѣка сохраняющіяся черты и понятія, и человѣкъ, идущій противъ нихъ, чувствуетъ недовольство собой—угрызенія совѣсти. Послѣднія бываютъ у людей нервныхъ столь ярки и мучительны, что тѣ готовы на какой угодно сумасбродный поступокъ, лишь бы ихъ избѣжать— такъ, напримѣръ, человѣкъ бросается въ воду, чтобы спасти утопающаго.

«А почему христіанскіе подвижники раздавали свое имущество нищимъ? Ужъ не изъ альтруизма ли?.. Нѣтъ! Этотъ примѣръ въ высшей степени ярко подтверждаетъ теорію чистѣйшаго эгоизма. Они разсуждали, какъ Памва у Лѣскова: «Грѣшникъ я, великій грѣшникъ, и себѣ царства Божьяго желаю». Да-съ! Они были добродѣтельны лишь потому, что *себѣ* желали царства Божьяго»...

Я уже давно слушалъ съ все возраставшимъ волненіемъ. Мнѣ казалась несообразной, безнравственной подобная доктрина и я, наконецъ, не вытерпѣлъ.

«Позвольте! Позвольте! вскричалъ я, стараясь прервать потокъ его словъ: «Какъ нѣтъ на свѣтѣ альтруизма? Что же тогда сдерживаетъ человѣческія похоти? Не будь альтруизма, каждый бы сталъ рѣзать и грабить другого. «Возсталъ бы братъ на брата, народъ на народъ», блеснулъ я цитатой (не помню только откуда) «сила будетъ правомъ, желаніе закономъ, а ваши примѣры... да они вполнѣ доказываютъ существованіе альтруизма.

«Я ясно вижу въ милостынѣ, поданной отверженному, голодающему бѣдняку, прекрасную черту, рѣзко отдѣляющую человѣка, давшаго милостыню отъ той сотни людей, которые равнодушно прошли мимо. Сотня эгоистовъ проходитъ мимо, въ груди ихъ не шевельнется состраданіе, у нихъ нѣтъ даже искорки альтруизма, а человѣкъ, подавшій милостыню, это альтруистъ—онъ сочувствуетъ бѣдствію ближняго, старается помочь ему!,.»

Корниловъ не далъ мнѣ договорить, онъ уже давно ерошилъ волосы и проявлялъ всѣ признаки раздраженія.

«Пошляки вы и больше ничего!»—набро-

сился онъ вдругъ на насъ:—«Какая поразительная поверхностность! Какое диллетанство и обыденность! Они все еще не сошли съ шаткой почвы человѣческихъ хотѣній и впечатлѣній! Но неужели же вамъ не ясно, что на этотъ вопросъ надо смотрѣть такъ же, какъ и на физическія и химическія явленія, то есть съ точки зрѣнія научнаго матеріализма?

«Въ природѣ существуютъ матерія и энергія,—ихъ взаимодѣйствіемъ создается міръ, Изъ безконечно малыхъ атомовъ и силъ интегрируются безконечно большія явленія, по совершенно опредѣленнымъ и неизмѣннымъ законамъ.

«При чемъ же тутъ негодующіе возгласы на тотъ или другой поступокъ, когда онъ непосредственно вытекаетъ изъ природы вещей? При чемъ тутъ даже такія поверхностныя дѣленія на альтруистовъ и эгоистовъ, когда корень явленія гораздо глубже и основанъ на характерѣ безконечно малыхъ колебаній атомовъ! Химія и физика должны рѣшать вопросъ объ альтруизмѣ и эгоизмѣ. Естественныя науки дадутъ основы для сужденій, математика ихъ выведетъ, а интерполяціонныя формулы Лягранжа и Ньютона дадутъ возможность выразить ихъ уравненіемъ!..»

Тутъ съ нимъ сцѣпился Петропавловскій, и

сначала они оба такъ кричали, что ничего нельзя было разобрать, но вдругъ Корниловъ замолчалъ и, нервно жестикулируя, забѣгалъ по комнатѣ, а Петропавловскій продолжалъ:

«Вѣрно! Вы какъ слѣдуетъ приступили къ вопросу, то есть разбираете его по существу, но тутъ-то я съ вами не согласенъ: колебаніе цѣнъ, рента, сама цѣнность—развѣ это явленія физическія и химическія?! Нѣтъ! это явленія *экономическія*!

«Если вы прослѣдите исторію человѣчества, всѣ измѣненія его личности, общественнаго быта, религіозныхъ воззрѣній, то замѣтите, что экономическія вліянія всегда стояли на главномъ планѣ.

«Такъ еще Дарвинъ показалъ, что усовершенствованіе организаціи индивида зависитъ отъ экономическихъ причинъ—отъ качества и количества пищи и т. п.

«Человѣкъ изъ охотничьяго перешелъ къ пастушескому, а затѣмъ къ осѣдлому образу жизни только по экономическимъ причинамъ... Только одинъ голодъ двигаетъ человѣчествомъ, а интересы брюха создаютъ науку, искусство и религію»...

Тутъ вдругъ Корниловъ закричалъ, что есть мочи: «да вѣдь уже 10 часовъ—намъ давно пора! Ну, ребята скорѣй, скорѣй!» и онъ при-

нялся тормошить оратора. Мы быстро одѣлись и вышли на улицу. Тутъ мы столкнулись съ Никифоромъ Никифоровичемъ и пригласили его отправиться съ нами на вечеринку.

— «Разрѣшенная?» освѣдомился онъ.

— «Конечно, конечно!» отвѣтилъ Максимъ Максимычъ.

— «Ну, тогда идемъ! А о чемъ будутъ ораторствовать?»

— «Да о голодѣ!» замѣтилъ Корниловъ недовольнымъ тономъ: онъ, повидимому, недолюбливаетъ Никифора Никифоровича.

Всѣ стали дѣлиться имѣвшимися свѣдѣніями о размѣрѣ бѣдствія. Я и самъ помню, какое потрясающее впечатлѣніе произвелъ на меня видѣнный мной нынче лѣтомъ «голодный» хлѣбъ. Боже мой! что это былъ за хлѣбъ! Совершенно черный и плотный, съ какими-то сѣрыми крупинками. Это былъ скорѣе уголь, а не хлѣбъ. А на вкусъ! Песокъ да и только! А владѣлецъ его еще говорилъ, что слава Богу, если хоть такой есть—полъ деревни совсѣмъ безъ всего сидятъ,—ничего нѣтъ. Ужасно! Сердце замираетъ и обливается кровью, когда подумаешь о страданіяхъ, терзающихъ милліоны русскихъ гражданъ.

Удивительно какъ люди имущіе могутъ спокойно къ этому относиться? Мерзавцы! они

весело пьютъ шампанское, катаются въ колясках, сорятъ деньги на прихоти любовницъ въ то время, какъ у нихъ подъ бокомъ, ихъ ближніе мрутъ съ голоду, когда голодный тифъ уноситъ тысячи, сотни тысячъ жертвъ. Да тутъ каждый долженъ отдать все, что у него есть «заложить женъ и дѣтей», какъ говорилъ когда-то Мининъ, что бы облегчить хоть на волосъ народныя страданія! Но что мечтать объ этомъ? Я знаю этихъ негодяевъ, я знаю, что они не способны ни къ чему мало мальски порядочному.

Воспитываясь въ провинціальномъ городѣ, въ замкнутомъ кругу чиновничества, я никогда не слыхалъ даже словъ: общественное благо, народное благосостояніе. Я слыхалъ только разсужденія о выгодности той или другой должности, того или другого предпріятія, о томъ, какъ такой-то заправило широко живетъ, какія у него лошади, любовницы и т. п. Если же говорилось когда нибудь о народѣ, то лишь съ презрѣніемъ и ругательствами. Каждый считалъ своимъ долгомъ привести какой либо случай изъ собственной жизни или просто ходячій анекдотъ, гдѣ бы яснѣйшимъ образомъ доказывалось тупость, невѣжество, чисто животное состояніе нашего мужика.

Они говорили это съ самодовольнымъ видомъ

превосходства и грубостью отзывовъ, большимъ презрѣніемъ старались подчеркнуть высоту своей личности.

Тогда все это казалось мнѣ остроумнымъ, интеллигентнымъ. Это воспитывало во мнѣ самомнѣніе и пріучало смотрѣть съ равнодушіемъ на страданія и невѣжество ближнихъ.

Но теперь я понялъ, что подъ человѣческой личиной во всѣхъ обезпеченныхъ таятся звѣри. Они алчны, какъ волки, злы, какъ дикія кошки, трусливы, какъ зайцы, льстивы, какъ лисицы. Они глупѣе ословъ и вся ихъ жизнь сводится къ чисто свинскимъ отправленіямъ:—ѣдѣ, спанью, наслажденію и размноженію...

Въ передней квартиры, въ которой назначена была вечеринка, не хватало вѣшалокъ и пальто громадными кучами лежали на полу, на окнахъ, и на сундукахъ. По совѣту Корнилова, я положилъ пальто въ уголъ, всунувъ предварительно въ рукава шапку и галоши.

Въ дверяхъ зала насъ встрѣтилъ студентъ технологъ, въ высокихъ сапогахъ, красной рубахѣ и тужуркѣ на распашку. Онъ спросилъ билеты. Корниловъ поговорилъ съ нимъ и тотъ насъ пропустилъ.

Войдя въ залъ, мы очутились передъ сплошной стѣною спинъ. Поднявшись на носки, я разглядѣлъ, что въ этой комнатѣ танцовали.

Давка и шумъ были невообразимые. Какой-то лѣсникъ барабанилъ на роялѣ, а изъ другой комнаты неслись звуки малорусской пѣсни.

Мы стали проталкиваться впередъ. Въ страшной тѣснотѣ пары танцующихъ безпрестанно сталкивались и наступали другъ другу на платье. Танцоры обливались потомъ, но все таки съ увлеченіемъ продолжали выдѣлывать разныя па:—видно, имъ было очень весело. Меня такъ занимала вся эта обстановка, что я, зазѣвавшись, отсталъ отъ Корнилова. Но тотъ вернулся, схватилъ меня за руку и потащилъ въ сосѣднюю комнату. «Ишь! Упражненіемъ ножныхъ мускуловъ занимаются»,—ворчалъ онъ довольно громко: «Шаркуны безмозглые! Да идемъ же, чортъ возьми!» закричалъ онъ вдругъ на меня, когда я снова зазѣвался на какую-то курсистку.

Толпа становилась все гуще и гуще. Жара была ужасная. Наконецъ, мы дошли до другого зала. Но пришлось остановиться около дверей: пробраться дальше рѣшительно было не мыслимо.

У противоположной стѣны, на какомъ-то возвышеніи, должно быть на столѣ, стоялъ студентъ универсантъ и говорилъ рѣчь.

«Это народникъ!» презрительно шепнулъ мнѣ Корниловъ: «этотъ хорошаго мало скажетъ!

Но я никогда еще не слыхалъ народниковъ и поэтому очень заинтересовался рѣчью; я старался не пропустить ни одного слова.

— Господа, говорилъ онъ: предъ нами потрясающая картина народнаго бѣдствія,—подобной никогда не видала Западная Европа: *многомилліонное населеніе плодороднѣйшей полосы Россіи страдаетъ ужасными муками голода!*

«Господа, каждый изъ васъ невольно задаетъ себѣ вопросъ отъ чего это случилось и какъ помочь бѣдѣ? Для людей, изучавшихъ и изучающихъ народную жизнь, отвѣтъ вполнѣ ясенъ: нашъ мужикъ бѣденъ, страшно бѣденъ— малѣйшій неурожай грозитъ ему голодной смертью.

«Сверхъ того, стая безжалостныхъ кулаковъ высасываетъ изъ него послѣдніе жизненные соки, а грубое невѣжество, царящее надъ темной массой народа,—мѣшаетъ ему примѣнить къ полямъ улучшенную систему обработки.

«Какъ помочь бѣдѣ? Какъ изгнать навсегда изъ убогой избы крестьянина этого страшнаго гостя, вносящаго съ собой смерть и разореніе?..

«Есть средство! Могучее средство — поддержка общины! Поддержите ее и дайте ей оружіе въ руки: производительныя артели,

дешевый кредитъ и образованіе, и вы увидите, какъ на необъятныхъ поляхъ Россіи зацвѣтетъ благоденствіе!..

«За послѣднее время въ литературѣ и среди молодежи раздаются голоса людей, проповѣдующихъ разложеніе общины, обезземеленіе крестьянъ, полное обнищаніе народной массы.

«Прикрываясь вѣчными, неизмѣнными законами развитія человѣческихъ обществъ, они проповѣдуютъ самый безнравственный квіетизмъ. Вѣдь если прогрессъ идетъ самъ по себѣ, по этимъ вѣчнымъ, роковымъ законамъ, и я не въ силахъ измѣнить его, то я сложу руки и успокоюсь—и безъ меня все совершится! Но куда ведутъ эти ихъ законы? Къ обнищанію крестьянской массы, къ созданію колоссальнаго пролетаріата, къ голоду, къ гибели!

Кому выгодны ихъ законы?—ужъ во всякомъ случаѣ не мужику; они выгодны капиталистамъ, кулакамъ, буржуямъ! Нѣтъ, господа! Кого еще не опошлила житейская грязь, у кого есть хоть искра человѣчности, тотъ воскликнетъ вмѣстѣ съ нами: «Да здравствуютъ община, производительныя артели, дешевый кредитъ, образованіе, образованіе и образованіе!!!»

Я былъ сильно увлеченъ его рѣчью и хло-

палъ вмѣстѣ съ другими, но были и недовольные, поэтому шумъ, свистъ, крики поднялись страшные. Вдругъ на столѣ появился студентъ средняго роста съ задумчивой физіономіей. По толпѣ промчался возгласъ—«слушайте! слушайте! говоритъ Петровъ!» Многіе его знали, но я его видѣлъ въ первый разъ. Онъ говорилъ безъ рѣзкихъ жестовъ и громкихъ фразъ—просто, но въ высшей степени убѣдительно.

«Предыдущій ораторъ—такъ началъ свою рѣчь Петровъ—еще разъ бросилъ намъ, марксистамъ въ глаза упрекъ въ квіетизмѣ, отъ котораго мы столько разъ открещивались и который, не смотря на это, ихъ непонятливыя головы все еще продолжаютъ намъ приписывать. Поэтому я еще разъ принужденъ отвѣтить на него гг. народникамъ.

«Мы совсѣмъ не отрицаемъ пресловутую роль личности въ исторіи, съ извѣстными ограниченіями, конечно. Существованіе незыблемыхъ законовъ человѣческаго развитія вовсе не приводитъ къ складыванію рукъ и къ квіетизму; какъ разъ напротивъ: знаніе ихъ предостерегаетъ человѣка отъ борьбы съ вѣтряными мельницами и указываетъ ясно тотъ путь, на которомъ онъ можетъ поработать съ пользой.

«Возьмемъ нынѣшній голодъ. Народники съ высоты своего дворянскаго величія говорятъ: «если мужичку дать такія-то льготы и создать для него домашнее производство, то право же, работая часовъ пятнадцать въ сутки, онъ не умретъ съ голоду». Они хотятъ спасти народъ отъ голода новымъ закрѣпощеніемъ. Они хотятъ остановить прогрессъ человѣчества, на полуголодномъ существованіи.

«Мы же говоримъ: увеличеніе производительности труда и развитіе формъ капиталистическаго производства поставятъ всѣхъ людей на наивысшую ступень культуры и благосостоянія. Но переходы отъ одной формы къ другой характеризуются тяжелыми, болѣзненными кризисами,—Россія переживаетъ подобный кризисъ.

«Въ голодовкахъ, изъ года въ годъ повторяющихся, народники видятъ что-то случайное. Вспоминая, что когда-то общинная форма была полезной, они вновь думаютъ найти въ ней спасеніе, они хотятъ искусственными мѣрами вдохнуть жизнь въ уже разлагающійся трупъ. Но къ счастью это немыслимо! Насъ ждетъ новая эра, намъ предстоитъ подняться еще на одну ступень великой лѣстницы прогресса.

«Мы теперь находимся въ періодѣ, когда старыя отживающія формы не выдерживаютъ,

лопаются и разлетаются въ прахъ подъ напоромъ измѣнившагося содержанія. Поддерживать отживающее—это совершенно безплодный трудъ! На самомъ дѣлѣ, именно тѣ, кто больше всего кричитъ о роли личности въ исторіи, играютъ въ ней самую жалкую роль.

«Не въ замедленіи и удлиненіи переходнаго времени, т. е. времени наибольшихъ народныхъ страданій, должна заключаться наша роль; наоборотъ, мы должны всѣми силами способствовать наступленію новой эры; поэтому я провозглашаю: да погибнетъ община и пусть здравствуетъ капитализмъ!»

Мы ему страшно аплодировали. Его рѣчь произвела на меня очень сильное впечатлѣніе, я весь превратился въ слухъ и, долженъ сознаться, прекрасно понялъ Петрова. Въ моемъ умѣ совершенно ясно рисовались эти вѣчныя, неизмѣнные законы развитія, все объясняющіе и все разрѣшающіе. Вотъ она путеводная звѣзда! Мнѣ страшно захотѣлось познакомится съ Петровымъ и я сказалъ объ этомъ Корнилову.

— «Ничего не можетъ быть легче!—Если хочешь завтра же зайдемъ къ нему»,—предложилъ Корниловъ; я съ удовольствіемъ согласился.

Толпа еще шумѣла, когда на столѣ поя-

вился студентъ съ густой бородой, нервными жестами и блуждающимъ взглядомъ. Къ нему бросилось нѣсколько курсистокъ и студентовъ и принялись его упрашивать не говорить, но тотъ не унимался.

— «Не забывайте кустарныхъ рабочихъ...« — вопилъ онъ, размахивая кулакомъ. Шумъ увеличивался...— «черный передѣлъ... земскій соборъ..'» — прорывались иногда его возгласы; но наконецъ имъ удалось стащить его со стола.

Было уже два часа. Публика стала расходиться. Я тоже побрелъ домой...

Отъ издателя.

По независящимъ отъ меня обстоятельствамъ, пришлось выпустить большую часть дневника Ивана Ивановича. Первый періодъ его знакомства съ марксистами былъ наиболѣе бурнымъ временемъ во всей его молодости. Но конечно это были лишь увлеченія юности! Если случайно дневникъ Верхоглядова попадетъ въ руки солиднаго, сѣдѣющаго «совѣтника», то послѣдній вѣроятно пожалѣетъ бѣднаго юношу, вспомнивъ, что «и мы были когда-то такими въ молодости».

Этотъ пропускъ въ дневникѣ дѣлаетъ большую брешь въ пониманіи сложнаго характера Ивана Ивановича; только молодежь, знакомая съ обстановкой описанной здѣсь жизни, съумѣетъ сама заполнить этотъ пробѣлъ.

Снова встрѣчаемся мы съ Иваномъ Ивановичемъ на четвертомъ курсѣ юридическаго факультета. Онъ слыветъ уже за убѣжденнаго марксиста.

1-го ноября.

Я только что прочиталъ біографію Лассаля—вотъ былъ ловкій малый! Это поразительно, съ какимъ искусствомъ онъ втиралъ публикѣ очки! Вотъ возьмите хотя бы процессъ графини Гацфельдъ... онъ увѣрилъ всѣхъ что защищаетъ графиню безкорыстно,—ха, ха, ха! До сихъ поръ никто не раскусилъ этого— а между тѣмъ, если принять во вниманіе основныя черты его характера — любовь къ женщинамъ, комфорту и извѣстности,—то дѣло сразу выяснится въ истинномъ свѣтѣ!

Лассаль меня тѣмъ болѣе заинтересовалъ, что я замѣчаю между нами большое сходство. Относительно трехъ вышеуказанныхъ основныхъ чертъ и говорить нечего,—тутъ полнѣйшее тождество; вотъ въ проницательности, ораторскомъ искусствѣ и способности убѣждать (такъ называемой силѣ логики) я еще немножко отстаю. Но надо же принять во вни-

маніе разницу общественныхъ условій, въ которыхъ мы воспитывались!—Онъ уже съ дѣтства могъ ораторствовать, онъ уже съ дѣтства могъ убѣждать и разглагольствовать на высокія темы—хе, хе!—попробуйка я предпринять что нибудь подобное—да папенька собственными ручками меня бы выпороли, а то пожалуй еще и въ часть представили... что бы получить повышеніе по службѣ...

Да!.. а какъ онъ ловко прикидывался марксистомъ! Вѣдь теперь они всѣ говорятъ, что въ марксизмѣ онъ не понималъ ни уха, ни рыла, и вотъ лучшее доказательство его геніальности; они все таки ставятъ его на пьедесталъ наравнѣ съ Марксомъ!

Въ немъ замѣтна поразительная тонкость, поразительное умѣніе скрывать собственныя чувства, мысли и планы, и заставлять другихъ вѣрить ему на слово.

Мнѣ кажется, что только одинъ Бисмаркъ понималъ Лассаля, какъ слѣдуетъ. Онъ отзывался о немъ такъ: «У Лассаля вполнѣ національный и монархическій образъ мыслей... Лассаль былъ страшно честолюбивъ. Онъ, пожалуй, сомнѣвался въ томъ, завершится ли Германская имперія династіей Гогенцолерновъ или династіей Лассаля»...

Ну, это Лассаль ужъ слишкомъ далеко

хватилъ!—однимъ изъ важныхъ его недостатковъ было химеричность желаній; здѣсь я имѣю громадное преимущество предъ нимъ: я желаю только достижимаго при данныхъ общественныхъ условіяхъ.

Лассаль, какъ и я, чувствовалъ себя выше окружающей толпы глупцовъ и филистеровъ и такъ же какъ я презиралъ ихъ. О, я какъ и онъ, смотрю на людей, какъ на пѣшекъ, годныхъ только на то, что бы быть моими орудіями, которыхъ можно взбудоражить высокими словами, раздразнить, перессорить между собою и затѣмъ смѣяться отъ души надъ поднявшейся кутерьмой. Марксисты, народники, толстовцы, либералы копошатся, носятся съ идеями, толкуютъ о высокихъ матеріяхъ—какой вздоръ, какая безконечная тупость!..

Надо только раскусить толпу и тогда, играя на ея поверхностной восторженности, мелкихъ страстишкахъ, а больше всего на глупости, глупости и глупости — можно дѣлать съ нею, что угодно.

Меня считаютъ истиннымъ марксистомъ! какъ же не быть марксистомъ, когда это доставляетъ популярность, уваженіе и усиленное вниманіе курсистокъ. Марксизмъ въ модѣ: Твердя и развивая толпѣ то, что ей нравится, я всегда могу добиться, чего захочу!

Нынче все толкуютъ о сапогахъ Маркса. Конечно мнѣ наплевать не только на Марксовскіе сапоги, но и на него самого; однако это дало мнѣ случай нѣсколько разъ пустить публикѣ пыль въ глаза и внушить ей особенное уваженіе, какъ къ сапогамъ, такъ и ко мнѣ, умѣющему выяснять ихъ значеніе...

А вѣдь мнѣ пришла хорошая мысль—писать дневникъ! Съ какимъ удовольствіемъ я буду потомъ его перечитывать! Предо мной снова будутъ оживать картины моихъ подвиговъ, успѣховъ и славы...

17 Ноября.

Сегодня не случилось ничего замѣчательнаго: я очень поздно всталъ и даже не пошелъ въ университетъ, а сѣлъ читать «Добычу» Золя, потомъ гулялъ, потомъ опять читалъ, а послѣ обѣда опять немного вздремнулъ. Поэтому, лучше возвращусь назадъ. На прошлой недѣлѣ въ пятницу я былъ у X. и засталъ у него студенческую компанію. Ожесточенно спорили о Lumpenproletariat'ѣ и о роли какую онъ играетъ въ рабочемъ движеніи. Терминъ этотъ мнѣ не былъ знакомъ и поэтому я сѣлъ въ уголъ, возлѣ Лидіи Александровны и отъ души смѣялся забавному ожесточенію спорящихъ.

— «Какой вы злой!»—кокетливо шепнула мнѣ Лидочка: «вмѣсто того чтобы смѣяться, лучше бы объяснили имъ въ чемъ дѣло!»

Это, конечно, заставило меня еще больше расхохотаться. Но Лидочка нахмурилась (кста-

ти сказать—эффектная бабенка,—пышечка да и только!). Я умолкъ и сталъ прислушиваться. Понемногу я понялъ въ чемъ дѣло: оказалось, что рѣчь идетъ о нищихъ, воришкахъ и пропойцахъ. Тогда я тоже вмѣшался въ споръ.

«Развѣ вамъ, господа,»—началъ я,—«неизвѣстно какъ смотритъ Марксъ на этотъ вопросъ?» (Я зналъ, что имъ это не извѣстно—иначе они бы не спорили. На мой вопросъ всѣ отмолчались). «Марксъ съ поразительной ясностью» («ясностью!»—пробормоталъ Максимъ Максимычъ, 3-й мѣсяцъ сидящій на первой главѣ, перваго тома. Я, положимъ, и самъ не пошелъ дальше, но я собственнымъ умомъ до всего добрался и ясно представляю себѣ, что тамъ дальше должно быть написано). Я повторилъ: «Марксъ съ кристаллической ясностью и убѣдительностью доказываетъ, что Lumpenproletariat полезенъ. Я вамъ вкратцѣ приведу его доказательство: Lump не имѣетъ ни денегъ, ни работы—значитъ онъ пролетаріатъ, т. е. онъ принадлежитъ къ арміи пролетаріата. Ну, а увеличеніе арміи пролетаріата желательно, слѣдовательно желательно и увеличеніе Lumpenproletariat'а».

Все это я сказалъ съ такимъ вѣсомъ, что никто не пробовалъ возражать. Лидочка съ восхищеніемъ смотрѣла на меня.

Затѣмъ Максимъ Максимовичъ принялся разсказывать интересныя вещи про Никифора Никифоровича. Оказывается, что тотъ непремѣнно хочетъ прослыть за конспиратора и поэтому нарочно принимаетъ таинственный видъ; носитъ въ карманахъ нѣсколько разныхъ фуражекъ и надѣваетъ ихъ поочередно, а разъ даже явился на маленькое собраніе съ фальшивой бородой и намекалъ всѣмъ, что она ему таки сослужила службу!

Собственно говоря, Никифоръ Никифоровичъ всегда возбуждалъ во мнѣ сожалѣніе; это человѣкъ безъ всякаго чутья и таланта; онъ вотъ такими грубыми и всѣмъ бросающимися въ глаза фокусами старается завоевать себѣ вниманіе и извѣстность, но конечно достигаетъ только того, что надъ нимъ смѣются; впрочемъ находятся ослы, которые даже ему вѣрятъ!

Мы въ этотъ вечеръ очень много смѣялись и, перебравъ еще нѣсколько знакомыхъ, разошлись по домамъ въ прекрасномъ настроеніи духа.

Я провожалъ Лидію Александровну. Мы съ ней разговорились о субъектахъ, съ которыми только что расстались. Я такъ ловко выставлялъ ихъ смѣшныя черты, что Лидочка хохотала до-упаду.

Потомъ мы перешли къ серьезнымъ темамъ

и она принялась описывать поразительные успѣхи марксизма въ средѣ курсистокъ.

— «Еще недавно», щебетала Лидочка, «я слышала на улицѣ слѣдующій разговоръ:»

— «Что это у тебя за книжки Маня?»

— «Русское Ботатство!»

— «Какъ; Неужели ты читаешь «Русское Богатство»? его вѣдь теперь никто не читаетъ,—всѣ читаютъ «Новое слово». Тамъ пишутъ только марксисты и хотя я, знаешь, не вполнѣ понимаю, что собственно такое марксизмъ, но чувствую въ душѣ, что я марксистка!»

«А еще находятся негодные люди, увѣряющіе, что мы ниже мужчинъ!» прибавила Лидочка.

Я отвѣтилъ, что женщины, и особенно она, выше всего земного. Она мило разсмѣялась; я думаю, что буду имѣть у нея успѣхъ!

При прощаньи Лидочка попросила меня достать № 8. Р... листка.

30 ноября.

Ну и ловко же я выпутался изъ дурацкаго положенія! Это была геніальная мысль! Это былъ замѣчательный успѣхъ! И какъ я отдѣлалъ Веркблея—ужъ навѣрняка онъ меня не скоро забудетъ!

Какъ сейчасъ представляю себѣ до мельчайшихъ подробностей всю сцену. Дѣло было въ Вольно-Экономическомъ обществѣ. Я главнымъ образомъ пришелъ туда затѣмъ, что бы повидать Лидочку,

Мнѣ нужно было бы сходить къ Петропавловскому, чтобы добыть 8-й № Р.:. листка,—у него цѣлый складъ нелегальныхъ изданій,—но потому то къ нему въ высшей степени опасно ходить: замѣтятъ и привлекутъ.

У Корнилова тоже можно было бы достать, но онъ подъ надзоромъ, такъ что слѣдятъ за каждымъ его гостемъ.

Я не обладаю излишней трусливостью, какъ напримѣръ Никифоръ Никифоровичъ или Максимъ Максимычъ—они ни за что не оставятъ у себя на ночь запрещенной брошюры, отговариваясь тѣмъ, что они подъ надзоромъ (это наглая ложь!),—я не обладаю подобной трусливостью,—я просто благоразуменъ и не же-

лаю рисковать «сей жизнью прекрасной» изъ за пустяковъ.

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

Докладъ, назначенный въ Вольно-Экономическаго Обществѣ, былъ очень интересный: о развитіи капитализма въ Россіи; такъ что можно было ожидать, что пренія перейдутъ на почву общихъ теоретическихъ вопросовъ и дадутъ много темъ для студенческихъ разговоровъ.

А также, тамъ можно узнать самыя свѣжія новости, что мнѣ необходимо. Благодаря моему прошлому и моимъ знакомствамъ, я считаюсь у публики стоящимъ близко къ дѣлу марксизма, а потому мнѣ положительно необходимо быть освѣдомленнымъ о текущихъ дѣлахъ.

Къ моему приходу народу набралось уже порядочно. Кто расхаживалъ по передней, кто расположился въ малой залѣ. Публика разбилась на кучки и разговаривала. Я замѣтилъ знакомыхъ и подошелъ къ нимъ. Послѣ обычнаго обмѣна новостями, рѣчь зашла о сапогахъ Маркса. Оказывается, что слухи о нихъ стали циркулировать по всему Петербургу и посѣтители наводняли квартиры ихъ хранителей. Не смотря на строжайшую тайну, пуб-

ка непостижимымъ образомъ всегда узнавала мѣсто ихъ нахожденія.

Такая извѣстность мнѣ сначала польстила и я о нихъ говорилъ не иначе какъ «наши замѣчательные сапоги», или «наши единственные въ Россіи, Сапоги», или «принадлежащіе намъ сапоги незабвеннаго Маркса»,—я гордился тѣмъ, что принадлежу къ землячеству обладающему сапогами Карла Маркса. Такъ же поступали и остальные члены нашего землячества, особенно курсистки: тѣ только и говорили о сапогахъ Маркса на всякомъ перекресткѣ, со всякимъ встрѣчнымъ.

Вотъ именно наша хвастливость способствовала такой быстрой и широкой извѣстности сапоговъ и дѣло грозило дойти до поголовнаго обыска у земляковъ. Я еще разъ, порадовался въ душѣ, что, благодаря Лидіи Александровнѣ, эти сапоги миновали мою квартиру.

Подойдя къ одному кружку, гдѣ нашъ землякъ разсказывалъ цѣлую эпопею о томъ, какъ онъ переносилъ сапоги Маркса изъ одной квартиры въ другую, я, послѣ того какъ онъ кончилъ, заговорилъ о значеніи реликвій. Замѣтивъ, что разговоръ перешолъ на общую почву, къ намъ мало по малу начали присоединяться новые слушатели и наконецъ кругомъ меня образовалась толпа.

Конечно, тутъ играла роль и моя извѣстность среди студентовъ. Приноравливаясь къ тупоумію публики, я старался говорить, какъ можно проще и яснѣе. Я говорилъ:

«Обязанность каждаго мыслящаго человѣка не филистера и не тунеядца—способствовать развитію классового самосознанія. Это единственный путь, на которомъ можно принести пользу. Это путеводная звѣзда всякаго марксиста! Ввиду этого мы должны глубоко чтить и цѣнить все способствующее этой цѣли. А что можетъ быть пригоднѣе для нея, какъ не воспоминаніе о великомъ учителѣ?!

«Личность вождя—великая объединяющая сила и воспоминаніе о немъ не пустая бездѣлушка, а могучее средство развитія классоваго самосознанія и слѣдовательно, въ извѣстной степени, важный историческій факторъ.

Я увлекся и видѣлъ, что произвожу сильное впечатлѣніе. Но тутъ я замѣтилъ насмѣшливо улыбавшагося Веркблея. Это меня раздосадовало и я, желая втянуть его въ разговоръ и высмѣять, спросилъ; согласенъ ли онъ съ моими положеніями.

«Что жъ... и реликвіи штука хорошая», — какъ то промямлилъ онъ, — «да только когда онѣ вниманія стоятъ, а худо то, что наша публика ко всякой тесемкѣ готова приклады-

ваться, даже не провѣривъ, принадлежала ли она дѣйствительно великому человѣку».

«Ну нѣтъ! ужъ позвольте мнѣ заступиться за нашу молодежь!»—воскликнулъ я. «Молодежь наша не легковѣрна! Вотъ вамъ примѣръ—сапоги Маркса. Вы вѣдь должны помнить, что вамъ не хотѣли вѣрить до тѣхъ поръ, пока Глубокодумовъ послѣ тщательнаго изслѣдованія не убѣдился, что это подлинные сапоги. Но, можетъ быть, вашъ «критицизмъ» доходитъ до того, что вы сомнѣваетесь, не надуваете ли самого себя?»

Ловко я его срѣзалъ! Публика одобрительно посмѣивалась. Но Веркблей не смутился и сказалъ пожавъ плечами: «Вашъ примѣръ, какъ нельзя лучше, подтверждаетъ мое мнѣніе, такъ какъ я самъ себя нисколько не надувалъ, выдавая вамъ за сапоги Маркса свои собственные».

О, проклятіе! Въ такомъ глупомъ положеніи я не бывалъ, еще никогда въ жизни! Не смотря на всю мою находчивость, я не могъ оправиться и собраться съ мыслями. Но къ счастью дверь въ большой залъ открылась,—это возвѣщало начало засѣданія и я, принявъ холодный видъ, сказалъ Веркблею: «мы съ вами еще поговоримъ относительно этого вопроса, а теперь пойдемъ послушать докладъ», и я величественно прошелъ мимо него.

Но докладъ я, конечно, не слушалъ: надо же было придумать какой нибудь выходъ изъ дурацкаго положенія, въ которое меня поставилъ этотъ прохвостъ. Осматриваясь, я замѣтилъ, что и остальная публика въ волненіи— всѣ перешептывались, иногда взрывались отрывочные возгласы изумленія: «быть не можетъ?»—«врете?!» и всѣ оборачивались въ ту сторону, гдѣ сидѣлъ Веркблей.

Очевидно публику сильно волновало извѣстіе о подложности сапоговъ. Вблизи я услыхалъ нѣсколько негодующихъ восклицаній: «Вотъ нахалъ, этотъ Веркблей!» говорила одна курсистка другой. — «Вѣдь это святотатство! Это надруганіе надъ именемъ Маркса,! кипятилась другая.

«Но какъ могъ ошибиться Глубокодумовъ?» спрашивала въ недоумѣніи третья.

«Ну, я всегда говорилъ, что онъ не всѣ 12 разъ прочиталъ Маркса!»—съ убѣжденіемъ замѣтилъ ей какой то технологъ.

Шумъ все возрасталъ. Наконецъ предсѣдатель обратилъ на это вниманіе и попросилъ публику держать себя потише. Публика немного угомонилась, стараясь прислушиваться къ докладу, но это не совсѣмъ удавалось.

Какъ только былъ возвѣщенъ перерывъ, поднялся страшный гамъ и, забывъ даже по-

аплодировать Тугану-Барановскому, всѣ бросились къ Веркблею, но оказалось, что того и слѣдъ простылъ; онъ воспользовался удобнымъ моментомъ, когда за нимъ не слѣдили, и улизнулъ.

Публика была въ ужасномъ волненіи. Высказывались самыя нелѣпыя мнѣнія вродѣ того, что Веркблея арестовали. Какой то восточный человѣкъ увѣрялъ, что Веркблей сыщикъ. Слышавшіе мой разговоръ съ Веркблеемъ снова меня окружили, остальные, видя толпу, присоединились къ ней и въ концѣ концовъ всѣ обратились ко мнѣ, галдя и задавая массу вопросовъ. Одинъ медикъ закричалъ вдругъ: «Тише! Тише! Ш-ш-ш-ш!» Всѣ умолкли и напряженно ждали, что я скажу.

Съ отчаяніемъ спрашивалъ я себя, что имъ сказать? Но, видя нетерпѣніе публики, я началъ говорить способомъ уже много разъ выручавшимъ меня изъ затруднительнаго положенія: я повелъ рѣчь не о главномъ предметѣ и сути, а о совершенно второстепенныхъ подробностяхъ и неважныхъ обстоятельствахъ.

Я прекрасно владѣю этимъ способомъ, и именно эта рѣчь была моимъ образцовымъ произведеніемъ. Сначала я упомянулъ о томъ, что сапоги дѣйствительно существуютъ, что многіе ихъ видѣли и даже осязали и обоняли. Потомъ я перешелъ къ высказаннымъ мнѣ-

ніямъ объ арестѣ Веркблея, обстоятельно доказавъ, что его не арестовали. Затѣмъ я разобралъ вопросъ о томъ, сыщикъ ли Веркблей? Я увѣрялъ въ противномъ, но такъ искусно, что у многихъ зародилась увѣренность въ томъ, что Веркблей сыщикъ. Тутъ вдругъ мнѣ мелькнула блестящая мысль и я ее сейчасъ же осуществилъ.

«Да, я думаю, господа», — сказалъ я: «что Веркблей никогда не осмѣлился бы сдѣлать такой ужасный подлогъ! Вѣдь онъ зналъ, что его ждетъ общее презрѣніе и остракизмъ лучшей части учащейся молодежи. («Да, да!».. раздалось кругомъ; «но какъ же вѣдь онъ самъ сознался!».. крикнулъ кто то изъ заднихъ рядовъ).

«Я думаю»—продолжалъ я, стараясь заглушить возгласы—«что Веркблей сказалъ это только ради глупой шутки и затѣмъ, понявъ всю глупость ея, убѣжалъ, что бы не быть осмѣяннымъ... Иначе какже объяснить его бѣгство?»...

Дальше я не могъ говорить, шумъ и крики поднялись невообразимые. Но я съ удовольствіемъ замѣтилъ, что окончательно уронилъ Веркблея въ общественномъ мнѣніи.

На этомъ кончается дневникъ Ивана Ивановича.

Издатель.

Письмо Ивана Ивановича къ Лидіи Александровнѣ.

Дорогая Лидочка!

Ты не повѣришь какъ мнѣ безъ тебя скучно! Я сгораю отъ жажды снова увидѣть тебя, прильнуть къ твоимъ розовымъ щечкамъ, заглянуть въ твои ласковые глазки,—свѣтится ли тамъ по прежнему любовь ко мнѣ?

Скоро ли ты пріѣдешь? Устроила ли дѣла съ родными, — согласны ли они на нашу свадьбу? Когда наконецъ совершится это торжественное и радостное событіе, послѣ котораго ты будешь всецѣло моею?..

Только теперь я чувствую, какъ я тебя неизмѣримо люблю. Ты звѣзда, озарившая мою одинокую жизнь, ты ласковый лучъ счастья, блеснувшій мнѣ изъ мрака монотонной, будничной жизни; для тебя одной хочу я жить и трудиться. Къ твоимъ прелестнымъ, малень-

кимъ ножкамъ снесу я всѣ блага подлуннаго міра—чины, ордена и богатство; жизнь наша будетъ сплошнымъ праздникомъ, мы будемъ полными кубками черпать наслажденье!

Какъ я былъ глупъ раньше!

Представь себѣ—раздраженная, повышенная атмосфера студенческихъ увлеченій иногда, какъ будто, даже на меня начинала дѣйствовать и мнѣ казалось, что и въ страданьи можно найти счастье?!

Представь себѣ: другой разъ мнѣ казалось, что каждый долженъ заботиться и о другихъ?!

Представь себѣ. Ха... ха... ха!.. Мнѣ даже казалось, что фабриканты дѣйствительно грабятъ рабочихъ, а . . . .

. . . .

Я краснѣю при одномъ воспоминаніи о подобныхъ глупостяхъ.

Ты боялась ввѣрить свою жизнь мнѣ, думая что я красный; но увѣряю тебя, что ты можешь быть вполнѣ спокойна: я застрахованъ отъ этого на всю жизнь—увлеченія молодости остались позади насъ.

Съ прежними моими знакомыми я окончательно разошелся: я конечно не могъ помириться съ ихъ узкими и фантастическими взглядами. Они воображаютъ, что одни могутъ указать настоящую жизненную дорогу

порядочному человѣку. Они, эти завистники, честолюбцы, полусумасшедшіе, со своими крайними увлеченіями, способны только вести государство къ гибели...

О, еслибъ ты знала, какую эти негодяи выкинули со мною штуку! Этъ прямо чортъ знаетъ что такое! Это была подлость!—подлость заранѣе обдуманная и подготовленная!

Надняхъ, вечеромъ, ко мнѣ зашелъ Глубокодумовъ и пригласилъ меня пойти къ Петру Петровичу напиться чаю. Я, ничего не подозрѣвая, согласился. Приходимъ, а тамъ уже цѣлое общество—студенты, курсистки, Петропавловскій, Корниловъ и Веркблей.

Хозяинъ розлилъ чай, и только что мы усѣлись кругомъ стола, какъ Веркблей началъ ко мнѣ приставать,—со своимъ обычнымъ нахальствомъ:

— Я слыхалъ, Иванъ Иванычъ, что вы все еще наивно вѣрите въ подлинность знаменитыхъ сапоговъ Маркса?!

Я немного смутился, но замѣтилъ ему, что мнѣ до нихъ нѣтъ никакого дѣла.

— Да? Вотъ какъ! А какъ же вы такъ восхваляли ихъ высокое значеніе?

Я сказалъ, что не намѣренъ говорить на эту тему.

— «Еще маленькій вопросецъ,—замѣтилъ

онъ съ нахальной улыбкой—и, повѣришь ли, мнѣ ужасно захотѣлось пустить ему стаканомъ въ физіономію,—вы, кажется, увѣряли тогда въ Вольноэкономическомъ Обществѣ, что я, ради глупой шутки, сказалъ, что вышеупомянутые сапоги мои собственные? Но такъ какъ они дѣйствительно мои, то не находите-ли вы, что именно съ вашей стороны, было глупо не вѣрить этому?

Я замѣтилъ, что присутствующіе перемигивались и ухмылялись. Я сталъ догадываться, что они заранѣе сговорились.

— «Да, вотъ что,—медленно проговорилъ Глубокодумовъ — мнѣ передавали, что вы приписываете Марксу мнѣніе, что Lumpenproletariat полезенъ? Если вы потрудитесь взглянуть вотъ сюда,—при этомъ онъ сунулъ мнѣ подъ носъ раскрытую книгу,—то убѣдитесь, что Марксъ говоритъ какъ разъ обратное.

— И какой чортъ надоумилъ тебя навязывать Марксу такую глупость? Или у тебя ихъ избытокъ?—прибавилъ Корниловъ.—При этомъ присутствующіе, безъ всякаго стѣсненія, захохотали.

Я больше не могъ сдерживать своего негодованія. Я вскочилъ, схватилъ пальто и шапку и, крикнувъ имъ всѣмъ въ лицо:—

«Это подлость—разставлять ловушки! Знайте, господа, что я всѣхъ васъ считаю полнѣйшими ничтожествами и плюю на васъ!»—Я ушелъ, а эти негодяи, чтобы скрыть свое смущеніе, принялись хохотать, какъ сумасшедшіе...

Чортъ съ ними, со всѣми этими мерзавцами—я больше не желаю имѣть съ ними ничего общаго!..

Мой дядя, начальникъ П-скаго департамента, предлагаетъ мнѣ мѣсто въ Кіевѣ, на 3000 рублей. Мѣсто доходное;—какъ ты думаешь, брать или нѣтъ?

Еще пріятная новость:—Оля выходитъ замужъ за Максима Максимовича. Они тоже расплевались съ марксистами и хотятъ устроить свадьбу вмѣстѣ съ нашей,—согласна?

Прощай! Пріѣзжай поскорѣй! Цѣлую тебя *всю.*

Любящій тебя больше всего земного

Иванъ Верхоглядовъ.

Письмо Глубокодумова къ Павлу Петровичу N.

Каналья Петровичъ!

Ты себѣ представить не можешь, какіе наши студенты . . . .

. . . .

ослы . . . . курсистки

. . . .

. . . . . набитыя . . . .

. . . . дуры . . . . .

. . . . . . , ... понимаютъ въ Марксѣ столько же . . . .

. . . .

сколько свинья въ апельсинахъ . . . . .

. . . . и всетаки . . .

. . . . считаютъ себя истинными марксистами . . . .

Вотъ была комедія! . . . .

Веркблей подарилъ свои сапоги нашему земля-

честву, увѣривъ всѣхъ, что это сапоги Маркса

. . . .

Дня четыре тому назадъ прибѣгаетъ ко мнѣ Никифоръ Никифоровичъ; весь дрожитъ отъ испугу...

«За мной слѣдятъ!... куда бы... спрятать?».. растерянно бормочетъ онъ мнѣ:... «нельзя ли у васъ сжечь?...»

Я былъ очень заинтересованъ, что бы ему такое понадобилось сжечь и вдругъ онъ вытаскиваетъ изъ подъ пальто пару прекрасныхъ, совершенно цѣлыхъ сапогъ.

— «Гмъ... канальство!... Шикарные сапожки!«—замѣтилъ я ему.

— «Это сапоги Маркса... но бога ради торопитесь ихъ сжечь; съ минуты на минуту можетъ нагрянуть полиція!...»

— «Ну, нѣтъ, голубчикъ! Я себѣ ихъ оставлю на память!»

— «Какъ знаете... какъ знаете... за мной слѣдятъ... будьте осторожнѣе...»—пробормоталъ уже въ дверяхъ Никифоръ Никифоровичъ и исчезъ.

Надо тебѣ замѣтить, что я уже видѣлъ эти сапоги на клубномъ собраніи—они и тогда мнѣ очень понравились, но наши дуры взяли ихъ съ бою.

Денежныя дѣла мои по обыкновенію плохи,

штиблеты окончательно износились и поэтому, ты поймешь, какъ я былъ доволенъ, когда *пара совершенно цѣлыхъ* сапоговъ вдругъ какъ бы съ неба свалилась въ самую мою комнату.

Я конечно сейчасъ ихъ примѣрилъ,—великолѣпно, какъ на меня шиты!

Въ нихъ и въ прекрасномъ расположеніи духа я отправился обѣдать къ Дервизу. По дорогѣ встрѣчаю курсистку; оказалась знакомой, поздоровались. Она сейчасъ же спрашиваетъ, какого я мнѣнія о такой то книгѣ.

— «Ничего не стоющая вещь!» замѣтилъ я.

— «А... мнѣ показалось... но впрочемъ дѣйствительно! А что вы думаете...»

Но тутъ она отскочила въ сторону—«Прощайте!»—говоритъ и принялась улепетывать.

Та же исторія повторилась еще съ двумя встрѣченными мной курсистками. Я положительно не зналъ, что подумать:—каждая изъ нихъ, вдругъ, ни съ того ни съ сего дѣлала испуганную мину и быстро прощалась.

Пообѣдавъ, я пошелъ напиться чаю къ Лидіи Александровнѣ (помнишь эту смазливую дуру?) Мое удивленіе еще возросло, когда я замѣтилъ, что встрѣчные курсистки, завидѣвъ меня издали, переходили на другую сторону улицы.

Но вотъ наконецъ у Лидіи Александровны все объяснилось: во всемъ виноваты были сапоги. Она меня довела своимъ идіотизмомъ до бѣлаго каленія и я ушелъ даже не напившись чаю...

Я думаю, Петровичъ, что глупость учащейся молодежи, а также и всей русской интеллигенціи достигнетъ скоро кульминаціоннаго пункта, потому что дальше ей кажется идти уже некуда...

Тебя уважающій

Н. Глубокодумовъ.